

Известия — 1999 — 7 окт. — с. 10

Наследие, от которого мы долго отказывались

Выставку Ларионова и Гончаровой ждали десять лет

Третьяковская галерея открыла большую выставку живописи Михаила Ларионова и Наталии Гончаровой исключительно торжественно. Вернисаж почтил присутствием председатель Попечительского совета музея Юрий Лужков, в своей речи тепло отозвавшийся о художниках авангарда и пообещавший через месяц открыть в столице Музей современного искусства.

На выставочном плакате, пригласительном билете и обложке увесистого каталога репродуцированы «Курильщик» Гончаровой и «Солдат (курящий)» Ларионова. Выбор этот был сделан, возможно, на радость спонсору выставки — компании «Бритиш Американ Тобакко». Оба портрета являются шедеврами, хранившимися в собрании Александры Ларионовой-Томилиной — второй жены художника и наследницы всего, что осталось после смерти Ларионова и Гончаровой в их парижской квартире и мастерской.

Выставка в Третьяковке завершила наконец многолетнюю историю по возвращению картин художников из эмиграции на родину. Родина этому возвращению долго сопротивлялась. Каким сложным путем живопись классиков отечественного искусства добиралась до России, рассказывает доктор искусствования Глеб ПОСПЕЛОВ.

— Судьба Ларионова и Гончаровой, как и других героев русского авангарда, оказалось злой. Они начинали рано, дерзко, блистательно, а кончили жизнь незащищенно униженными.

— Михаил Ларионов и Наталия Гончарова покинули Россию (это случилось в 1915 году) прославленными мастерами. Александр Бенуа, обвинявший поначалу обоих в «чуждачествах и кривляньях», писал после двух персональных выставок Гончаровой: «Для меня ясно, что не учить нужно Гончарову, а у нее учиться, как вообще следует учиться у всех больших и сильных». Ларионов же в те годы возглавлял молодой московский авангард, был не только организатором выставок и дискуссий, но и законодателем в творческой сфере. Лентулов говорил, что работы Ларионова «давали совершенно новую эмоцию и по-новому строили глаз зрителя, императивно внушая правоту откровения».

— Но у Гончаровой, судя по выставке, дар был сильнее, чем у Ларионова?

— На самом деле наоборот, но у них было много общего. Начнем с того, что Гончарова училась живописи у Ларионова. Потом у них был общий период увлечения Гогеном, потом они вместе работали на Дягилевских сезонах. Их некоторые театральные эскизы делались в две руки, и эти руки трудно отличить. Потом сблизилась общая прожитая судьба. А еще их объединяло глубоко запрятанное сакральное отношение к жизни. У Гончаровой оно проявлялось явственнее. Вот эта выставка впервые полно показывает живопись Гончаровой на религиозные темы. Как Петров-Водкин и Нестеров, она сделала попытку внести в иконопись, которая к началу века совершенно деградировала, художественное начало. Цикл на темы Апокалипсиса — лучшее, что сделала Гончарова. А Ларионова отличало удивительное благословение жизни. В чем бы она ни проявлялась — в росте деревьев, травы, в гусях, волах, индюш-

рят, что у тебя лицо дьявола и лицо мертвеца. Вчера мой друг сказал — я не знаю, в какую страну поехать умирать. Всякий человек умирает в какой-нибудь стране. И я плачу сегодня горькими слезами. Разве ты не вернешь нас в наш дом?»

Они мечтали о возвращении, хотя знали, что их картин в советских музеях не выставляют. Ларионов удивлялся этой враждебности. «Ведь мы в Москве долго до войны 1914 года создали движение, которому теперь Запад следует. Почему мы отказываемся от нашего первенства?» — писал он своему московскому другу Льву Жегину, которого просил, уже в «оттепельные» годы, хлопотать о себе и Гончаровой. «Раньше был болен я, уже 7 лет, а теперь уже год как больна Наташа и может еле двигаться... Мы работали, чтобы оставить все родине. Как это сделать, как переправить туда? Но все хлопоты Жегина оказались тщетными — никто не собирался помогать старикам, никого не интересовали ни они, ни их картины.



Гончарова на фоне «Испанок». Середина 1920-х гг.

ставляла и продавала на Западе. И все же она завещала свое собрание России, как того и хотел Ларионов.

После смерти Томилиной в 1987 году наша страна должна была заплатить налог на полученное наследство (60% его стоимости). В результате долгих переговоров по решению правительства Франции в счет этого налога была отобрана часть картин для французских музеев, а оставшиеся безвозмездно передали России. Французы подготовили свою часть экспозиции к выставке в Центре Помпиду, которая прошла летом 1995 года. Теперь, также проделав работу по реставрации картин и уточнению датировок, выставили свою часть наследства и мы. После экспозиции живописи Третьяковка откроет выставку графики и театральных эскизов художников. Она должна быть не менее интересной.

— На выставке есть очень важные для понимания художников работы и просто очень хорошие. Теперь они дополняют постоянную экспозицию Ларионова и Гончаровой в Третьяковке?

— Для этого ее площадь надо расширить вдвое. А экспозиция русского и советского искусства XX века в Третьяковке заполнена огромным количеством слабых полотен 30—50-х годов. Для

того чтобы не только Ларионов и Гончарова, но и весь русский авангард занял место, отвечающее его значению в развитии национальной художественной культуры, экспозицию XX века нужно решительно перестроить. К тому же известно, что после закрытия нынешней выставки вещи с нее надолго отправятся в турне по зарубежным музеям.

Судьба русского авангарда складывается крайне причудливо — при советской власти эти картины считались недостойными зрителя, их держали в запасниках, отправляли в ссылку в провинциальные музеи. Теперь уже зритель оказывается недостойным этих картин, отправляющихся на Запад, где ту же кошельки. Деньги зарабатывать надо, но и компромисс между интересами галереи и зрителей искать надо.

— Как вы считаете, период гонений на авангард — исторический казус, проблема одного поколения зрителей, теперь решенная?

— За это время мы получили привычку смотреть живопись. Похожая ситуация сложилась во второй половине XIX века, когда под влиянием господствующего литературоцентризма все разучились видеть. Суриков вспоминал, что Стасов совершенно ничего не понимал в жи-

вописи, хотя и был художественным критиком. Выросло целое поколение людей, увлеченных литературой, но совершенно слепых, не воспринимающих живописи, балета, скульптуры, архитектуры. Художникам поколения Ларионова и Гончаровой приходилось воспитывать нового зрителя, и уже, например, Пунин прекрасно чувствовал саму суть их поиска.

Советский зритель оказался, как и во времена передвижничества, в плену сюжета. Ему было несвойственно чувственно-поэтическое переживание живописи. Как только мы этому научимся, нас опять отбрасывают назад. Не случайно же для авангарда оставлено в Третьяковке так мало места. Под Шагала и Кандинского надо отводить огромные залы, а не закутки, как сейчас. Ведь все сделано, чтобы русский авангард гастролировал по свету веки вечные и собирал там деньги, а нашему зрителю глаз не мозолил. Зато соцреализм вывешен с щедростью, невиданной и в советские времена.

Эту тенденцию переломить очень трудно. В 80-е годы была в Третьяковке выставка Ларионова. После этого художник надолго исчез с глаз зрителя. И опять выросло целое поколение, которое этого художника не знает.

Ольга КАБАНОВА



Ларионов на фоне «Портрета В. Хлебникова». 1962 г.

ках. Он не афишировал, как Гончарова, прямо своей религиозности, но она была. Ларионов — тончайший станковист, живописец высшего мирового ранга, а Гончарова — природный монументалист, декоративист.

— Они во Франции бедствовали?

— Они очень тяжело пережили эмиграцию, но хорошо понимали, что происходит на родине. Россию для Гончаровой всегда символизировал Святой Георгий. Сохранилась ее дневниковая запись, обращенная к нему: «Какое лицо у тебя сегодня, мой святой, мой родной? Гово-

— Но после смерти художников ситуация начала меняться?

— Гончарова умерла в 1962 году, через два года — Ларионов. Как только его вдова Томилиная вступила в права наследства, то сразу начала переговоры о передаче картин художников в музей СССР. Делала авансы — в 1966 году, например, отдала Русскому музею знаменитых «Евангелистов» Гончаровой, которых никто так и не решился поместить тогда в экспозицию. Томилину страшно раздражала незаинтересованность советских официальных лиц в работах художников, которые она успешно вы-